

КРУПНЫЙ ПЛАН

КОНЦЛАГЕРЬ С УСИЛЕННЫМ ПИТАНИЕМ

Театр. Курьер. — 2004. — нояб. (№ 11). — с. 3

В 80-е годы Людмила Нильская была популярной актрисой. Она работала в театре им. Маяковского и успешно снималась в кино. «Петровка, 38». «Государственная граница», «Бешеные деньги», «Гардемарины, вперед» — вот лишь некоторые из фильмов, по которым зритель запомнил артистку. Многие коллеги, пришедшие в профессию одновременно с ней, сейчас стали признанными мастерами кино и театра. А имя Нильской сегодня, увы, вспомнят лишь ее самые преданные поклонники. Что оборвало ее удачно складывающуюся карьеру? И отчего сегодня актриса вынуждена вновь завоевывать зрителя, доказывать свою состоятельность и талант?

— Ваши родители имели какое-то отношение к искусству?

— Никакого. Мама работала старшей медсестрой в психиатрической больнице, а папа — не то в райкоме, не то в горкоме партии, я уже сейчас и не помню.

— А почему вы решили пойти в актрисы?

— Я была достаточно активным ребенком и прошла в детстве через всевозможные кружки, даже на домре училась играть. Потом моя приятельница очень захотела пойти поступать в актрисы, а я отправилась с ней за компанию. Сначала поступила в школу-студию МХАТ, отучилась там год, затем перешла в Щукинское училище.

— После училища у вас были разные предложения. Почему выбрали Театр им. Маяковского?

— Там обещали золотые горы.
— И вы их получили?

— Нет. Со временем эти горы помельчали. Что-то, конечно, я там играла («Смотрите, кто пришел», «Островитянин»), но не то, что было обещано мне.

— Но в кино у вас все складывалось удачно. В год выходило по два-три фильма с вашим участием. И вдруг вы эмигрируете в Америку. Что вас не устраивало?

— Это был 1994 год. И казалось, что уже в стране вообще все закончилось. В театр приходило всего шестьдесят зрителей, иногда спектакли отменялись, киностудии сдавали свои помещения под склады. Было такое ощущение, что в профессии не может быть никакого продолжения. Сыну моему тогда исполнилось два года. Отец моего бывшего мужа жил в Америке и звал нас к себе. Я не сразу решилась уезжать. И пока оформлялись документы — а это длилось около двух лет — я раздумывала, не видела, что ситуация не улучшается. У меня создалось впечатление, что мне осталось здесь просто доживать свою жизнь. Казалось, что если все и восстановится когда-нибудь, то не раньше, чем через тридцать лет.

— До этого вы бывали в Америке?

— Ни разу. И, наверное, если бы я побывала там раньше, то не поехала бы туда жить. По первому впечатлению Америка меня разочаровала. Я представляла себе шумную страну с небоскребами, а оказалась она вся такая одноэтажная и такая провинциальная...

— А как же Голливуд? Ведь вы жили в Лос-Анжелесе...

— Мы там прожили всего семь месяцев, потом переехали в другой штат. Помню, как в шесть вечера я пошла на Голливуд-бульвар и увидела совершенно пустынные улицы, потому что был будний день, когда туристов там не бывает. Так я оттуда бегом бежала, думая как бы с кем не столкнуться. А еще за год до нашего приезда там случилось сильное землетрясение, и затем какое-то время еще продолжались автосаки — это такие толчки после землетрясения, когда земля встает на свое место. Они хоть и слабые, но все равно ощутимые и это очень неприятно. А так как я с подобным никогда не сталкивалась, то не могла к этому привыкнуть. Когда ты все время трясешься и в середине ночи хватаешь ребенка, выбегаешь на улицу и стоишь там в ночной рубашке... В общем, мы переехали в другой штат, под Колорадо. Но это оказалось еще более провинциальное место, просто тоска зеленая. Заняться было совершенно нечем. Я пыталась и на компьютерные курсы ходить, и даже в магазине работать, продавать одежду. Выдержала всего две недели и убежала.

— Что же ужасного было в этом магазине?

— Ну вот не дай бог, ты там на пять минут на работу опоздаешь. Это действительно очень серьезно. Если ты уходишь с работы, то ровно в семь и ни минутой раньше. Очень сложно бывшему советскому человеку к этому приспособиться. В магазине перед нача-

лом рабочего дня проводился какой-то митинг, где говорили: «Вчера мы продали товара на столько-то...» И все работники стояли при этом по стойке смирно и улыбались своему начальнику. В магазине ты не имеешь права присесть за весь рабочий день, даже если ты за кассой стоишь. И нужно улыбаться, демонстрируя, как ты обожаешь свою работу. Там над каждой кучкой продавцов есть начальник, а над этими начальниками — еще начальник. И если покупателя в магазине что-то не устроит, он тут же пойдет и жалуются. Кляузыники ужасные.

— На соседей тоже любят жаловаться?

— Точно. Например, машину ты можешь поставить только напротив своего дома. Если у тебя край машины вылез немного на газон другого участка, то соседи могут устроить скандал и вызвать полицию. Там среди русских ходила шутка: «Что такое Америка? Это концлагерь с усиленным питанием».

— Американские мужчины отличаются от наших?

— У них культ семьи. Мне так показалось. Они и детьми серьезно занимаются. Иногда видишь пару, где женщина несимпатичная совсем, а мужчина красавец. Посмотришь на их взаимоотношения и диву даешься, как они друг к другу трепетно относятся.

— Правда, что американцы производят впечатление самой толстой нации?

— Абсолютно. Безумное количество людей с весом под двести килограмм. В шортах и без малейших комплексов. Они с утра до ночи едят пиццу или гамбургеры. Ходят в небольшие недорогие ресторанчики, либо заказывают еду на дом. Они не готовят. Мы въехали в дом, где до нас два года жили другие люди, но было ощущение, что ни плиту, ни микроволновую печь просто никогда не включали.

— А вы готовили?

— Конечно. И пельмени, и пирожки иногда, и салаты, и супы. Вообще я не люблю готовить, но каждый день заказывать пищу очень накладно.

— Какая-то мрачноватая картина складывается об Америке. Есть хоть что-то, что вам там понравилось, очаровало вас?

— Очаровала меня культура их быта. Чистота на улице. Хотя опять же, везде по разному. В Лос-Анжелесе есть такие замусоренные места, что России подобное и не снилось.

— В Америке вы общались с нашими эмигрантами?

— Вообще найти там себе друзей, кого-то близкого по духу — очень сложно. Это в Нью-

Йорке много эмигрантов из Москвы, Ленинграда. А в Колорадо, где мы жили, в основном люди приехали из глубокой провинции. Сплошная Жмеринка, Киев или Бобруйск... Так что можете себе представить, какой там уровень интеллекта, и на какие темы с ними можно разговаривать. Это очень угнетало.

— Сложно поверить, что вы совсем не пытались там найти применение своим актерским способностям.

— Мне предложили работу диктора на одном из русских каналов телевидения. Но это было связано с переездом в Нью-Йорк. То есть возникло много сложностей — опять поиск квартиры, замена школы у ребенка... И к тому времени наши с мужем отношения уже пошли на разрыв, поэтому я не решилась на этот переезд.

— Если у вас там были такие сложности с работой, то возникает закономерный вопрос: на что же вы жили? Получали какое-то пособие?

— Муж пытался как-то зарабатывать. Потом у нас оставались деньги от продажи моей московской квартиры.

— А где же вы сейчас живете? Купили новую квартиру?

— Я вернулась в Москву с двумя чемоданами вещей и тремя сотнями долларов в кармане. Первое время жила с ребенком у друзей. А уже через месяц-полтора начала работать в антрепризе. И сейчас я снимаю квартиру.

— Я так понимаю, что вернулись вы без мужа?

— Мы сейчас оформляем развод. Жалею, что это не произошло раньше хотя бы на пару-тройку лет. Тогда я бы уже давно вернулась.

— Как ваш сын адаптируется к московской жизни?

— Замечательно. Я сначала очень переживала, он ведь без знания русского языка: говорил, конечно, но не мог ни читать, ни писать. Школу при американском посольстве я бы просто не потянула: она стоит порядка 25 тысяч долларов в год. Поэтому определила его в обыкновенную русскую школу, где он очень хорошо себя чувствует, год закончил даже с тремя пятерками. У него появилась масса друзей. И если поначалу он сравнивал: «Вот в Америке так, а здесь эдак...», то сейчас даже не вспоминает о прежней жизни.

— А как вы нашли Москву после десятилетнего отсутствия?

— Город сильно поменялся. Но по большо-

му счету, если уйти с центральных улиц от всех сверкающих витрин, то все осталось прежним. В Америке меня иногда раздражали эти приклеенные американские улыбки, но зато там тебе никто не нахамит. Еще я отвыкла проверять цены в магазинах: там очень мала вероятность, что тебя могут обмануть. А еще там не боишься за свои карманы. А тут я столкнулась в первый же месяц с тем, что у меня украли кошелек. И все равно, здесь даже грязь, даже мусорные контейнеры — все родное.

— Не страшно было вновь выходить на сцену?

— Я очень боялась, ведь девять лет я ничем не занималась в профессии. И случилось так, что вступить пришлось срочно, без единой репетиции, а роль такая, что со сцены не уходишь в течение всего спектакля. У меня было два дня на то, чтобы выучить текст. А потом мы отправились в Архангельск. И пока мы ехали, я репетировала в купе с партнерами. На сцене мне показали, куда примерно ходить. Конечно, это невозможно запомнить. Но когда я вышла играть спектакль, то поняла, что профессия нигде не исчезла. Правда, было смешно, потому что партнеры таскали меня по сцене за руку, а за кулисами подсказывали, если я что-то забывала.

— А как обстоят ваши дела с кино?

— Рауф Кубаев снял сериал под названием «Красная площадь». Я там играю Галию Брежнев. Портретного сходства в картине не требовалось, потому что героиня обозначена женщиной, похожей на Брежнев. Еще Геннадий Байсак снимает рождественские истории. Это сериал, но я там занята только в одном фильме, который называется «Ангел пролетел». И вот сейчас по заказу первого канала снимается 12 серийный фильм «Охота на изюбра». Это такая криминально-производственная история.

— Раньше у вас в кино были роли роковых женщин, хищниц. Насколько этот образ соответствует вашей природе?

— Мне кажется, не соответствует. Но положительное ни в театре, ни в кино играть неинтересно. На мой взгляд, я сейчас стала более характерной актриса. А это уже другие роли. И мне кажется, должно что-то поменяться. Хотелось бы себя проверить: можешь ты или не можешь. Пока ведь всего год прошел. У меня сейчас одна задача: напомнить, что я есть.

Наталья КАШИНА